

Производное от любви

В КАНУН возвращения Андрея Дмитриевича Сахарова я с осторожностью обзванивал друзей, которые, по моему разумению, могли бы знать час прибытия поезда из ссылки.

Имени пассажира не называл из недоверия к телефонной сети и опасения нанести собеседнику нечаянный вред.

Поздно вечером позвонил в мастерскую Бориса Мессерера, в ту самую знаменитую мастерскую с граммофонами на Поварской, ставшую по воле и таланту Бори главным клубом вольной мысли доперестроечного времени, местом рождения «Метрополя», блистательных театральных декораций, живописных полотен и невероятных офортов...

Чердак, который, по словам Василия Аксенова, «был и является катализатором творческой энергии», служил и домом Борису Мессереру и его жене Белле Ахмадулиной. Боре и Белле.

— Не знаешь ли, Боря, в котором часу завтра из Горького приезжает академик?

— Академик в высоком нравственном смысле? — спросил Мессерер. Нравственный смысл невероятно важен для мастера. Несмотря на легкость, общительность и роль короля московской богемы, высоким и нравственным смыслом признана творческая жизнь этого выдающегося художника. Он невероятно дружелюбен и трудолюбив. (Я выделил здесь производные от любви, потому что и это качество не обошло его.)

Он сделал много — десятки спектаклей. В лучших театрах, среди которых Большой, МХАТ, «Современник»... Он признан. И сам может быть цитирован, как некогда великий Тышлер, который, увидев декорации «Подпоручика Киж», сказал о нем: «Родился новый художник»... Он мог бы успокоиться, но он, к счастью, неуемен — Борис Асафович.

Вот и теперь, 25 марта, в Большом премьера балета Родиона Щедрина «Конек-Горбунок» в постановке Николая Андросова, в декорациях Мессерера.

Этот снимок я сделал, когда задник был еще на полу в мастерских Большого театра.